

А.Золтан

Будапештский университет, Венгрия

Легенда о святой Урсуле в русской переводной литературе XVII века

В статье рассмотрен перевод одного из памятников западноевропейской средневековой культуры — легенды о святой Урсуле. Опираясь на исторические источники и труды исследователей прошлых веков и современности, автор статьи прослеживает пути миграции житийного текста в польской, литовской, венгерской, старобелорусской и древнерусской культурах.

Ключевые слова: легенда, текст, оригинал, перевод, рукопись, русская литература, латынь, польский язык, венгерская история, этноним.

«Легенда о святой Урсуле и одиннадцати тысяч девиц» читается в обоих полных рукописных переводах на русский (русско-церковнославянский) язык второй половины XVII века «Хроники польской, литовской, жемайтской и всей Руси» польского историка М.Стрыйковского (Кенигсберг, 1582).¹ В ней рассказывается о том, что Урсула, дочь британского короля, вместе с 11 тысячами девиц совершает паломничество в Рим. Девицы едут кораблями по Рейну до Базеля, оттуда отправляются пешком в Рим, где молятся на могилах святых апостолов и обходят все святые места. После этого они отправляются тем же путем назад. На обратном пути они приближаются к Кельну, который к этому времени занят венграми. Девицы, не предвидя опасности, сходят с кораблей, и венгры убивают их всех стрелами из лука.

М.Стрыйковский вставил эту легенду в свою «Хронику...» в связи с мифом о происхождении литовцев от римлян. По одной из версий этого этногенетического мифа бегство легендарного предка литовцев Палемона с пятьюстами знатными римскими семействами из Рима в устье Немана объяснялось кровавыми походами Аттилы и «венгров» (т. е. гуннов) на Западную Европу. Эта версия вдохновила М.Стрыйковского пересказать стихами всю гуннскую («венгерскую») историю. В стихотворный текст в одном месте он ввел в скобках обстоятельную вставку в прозе, чтобы при случае рассказать легенду о святой Урсуле. Текст данной прозаической вставки он позаимствовал из краковского издания 1574 г. под заглавием «Historia spraw Atyle, Krolá Węgierskiego» («История дел венгерского короля Аттилы»). В польском издании нет указания на автора, только на переводчика, согласно которому она была переведена на польский язык с латыни известным деятелем польской культуры XVI века Ц.Базыликом («Z Łacińskiego języka na Polski przełożoną przez Cyrjana Bazylíką»). Как это было доказано А.Брюкнером еще в конце XIX века, польский текст Ц.Базылика является переводом латиноязычного произведения *Athila* венгерского гуманиста Миклоша Олаха (Nicolaus Olahus, 1493–1568). Оно было написано в 1537 г. в Нидерландах во время пребывания автора в Брюсселе в качестве секретаря королевы-вдовы Марии Габсбург и впервые было опубликовано в 1568 г. в Базеле в качестве вставки в большой труд Антонио Бонфини по венгерской истории *Rerum Ungaricarum Decades*. Сочинение М.Олаха стало самым популярным в Восточной Европе произведением венгерской литературы XVI века. Скоро после выхода упомянутого польского печатного издания на его основе ок. 1580 г. был подготовлен анонимный старобелорусский рукописный перевод. На основе сравнения этих трех версий можно установить, что полное отождествление гуннов с венграми — это дело польского переводчика. Поскольку единственный сохранившийся экземпляр польского издания является дефектным, установить, что Аттилу из короля гуннов в «угорского короля» превратил как раз польский переводчик можно на основе латинского и старобелорусского текстов. В начале повествования М.Олах говорит определенно о гуннах («Hunni»). Ц.Базылик — судя по старобелорусскому тексту — в своем польском переводе уже с самого начала отождествлял гуннов с венграми; при первых случаях употребления этнонима *гунны* он добавляет объяснения типа «гунны, которых теперь обычно зовут венграми», «в Паннонии, то есть в той стране, которую мы теперь называем Венгрией», а дальше в ходе повествования он говорит только о венграх, приписывая

¹ О восточнославянских преводах «Хроники...» М. Стрыйковского см.: А.И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков, Библиографические материалы. С.-Петербург, 1903, 79–80; А.И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника...»). Москва, 1966, 259–306.

тем самым все подвиги (а также все преступления) гуннов венграм. Таким образом, вскоре после выхода в свет латинского оригинала сочинения Олаха, легенда о святой Урсуле в версии венгерского гуманиста была уже доступна на польском и старобелорусском языках, с тем, однако, отклонением от оригинала, что в этих версиях говорилось не о гуннах, а о венграх. Однако ни в польском издании, ни, тем более, в старобелорусской рукописи не было указано имя автора, поэтому в Польше и Литве это сочинение распространилось анонимно.²

Благодаря упомянутому небольшому плагиату легенда о святой Урсуле — как фрагмент текста М. Олаха в переводе Ц. Базылика —, хотя и анонимно, но вошла в состав очень популярного в свое время сочинения М. Стрыйковского.³ В XVII веке «Хроника...» М. Стрыйковского была переведена дважды на русский (русско-церковнославянский) язык. Вместе с переводом всей «Хроники...» была переведена и легенда о святой Урсуле в версии М. Олаха, заимствованная М. Стрыйковским из польского перевода Ц. Базылика 1574 г. Таким образом, этот небольшой фрагмент сочинения венгерского гуманиста — хотя и анонимно — вошел не только в польскую и белорусскую, но и в русскую литературу, где он представляет собой, по имеющимся в настоящее время сведениям, самый ранний перевод на русский язык из венгерской литературы.

Ниже приводится фрагмент текста авторства М. Олаха по одному из списков обоих русских переводов «Хроники...» М. Стрыйковского, хранящихся в Государственном историческом музее в Москве.⁴

1

Русский перевод 1673–1679 гг.

(л. 76:) [...] Воеводѣ же своего по^д Ко^лно по^ла, / иже на че^тверо обозы постави. днемъ и ночью добивая грады, волости же / и веси в' конецъ разораѣ. [в' то время Етере^н // (л. 76 об.) сынъ короля аглинскаго нача тщатиса / в' супру^жство Урсѣли дщери короля британи^скаго единицы, по^лавъ по^ловъ своихъ / с велиею охотою к отцѣ еа, егоже невѣдѣща ки^и о^вѣтъ дати, Урсѣли печал^ного / увещаваше да о^тставивъ печал^н обрѣчилъ / ю, Етерию повѣдаѣ яко има^т то во о^ткро^вение о^т бѣга да не о^трече^тца супру^жства того / симъ образомъ: да да^тся е^и свобода на три / лѣта, вниже путь сво^и скончае^т. егоже / обеща се естъ да идетъ в' Римъ имѣи / при себѣ ѿ дѣвъ сего ради того тре^боваше, да о^тцѣ еа и Етере^н жени^х по^лшатся вопчѣ о^брѣсти ѿ девиць со^бстве^нными чи^тоты и постоианства, каа^ждажъ / и^х нихъ да имать ѿ дѣвъ она^ж имать тако^жде ѿ дѣвъ токмо вси да бѣдѣтъ / чисты. По^лы принявъ о^т оца Урсѣлина / то^и о^твѣтъ с радостию о^тидоша. Сице же Етере^н и брита^нскіи коро^и отѣ Урсѣли^и / собравъ по словеси толико дѣвъ даша / ихъ в' по^лрѣжие Урсѣли, иже прина^в то блго^гродное клев^рство, сотвори^л же ѿ кара/бле^и и прочія вещи на пу^т го^лныа иде моремъ // (л. 77:) в' Британию даже до мѣста идѣже Рень река / в' море в'падаетъ, идѣже нѣтъ ча^ть Го^лли/ндіи, о^ткудѣ противъ воды рекою прииде / в' Ко^лно Агрипину с велиею радостию жителе^и, / с Колна * в' Базилию. Тамъ оставивъ карабли / и ину утварь, иде пѣша в' Римъ иже обѣдѣ мѣста всѣ в' Риме по обещанию / возвратиса в Базилию. Папа * Кириа^к веде ю / с велиею честию даже до мѣста. Всѣ^ж у Базили^и в' корабли рекою Рене^и / в' ризь⁵ иде в Ко^лно, идѣже изыде на бре^г / не вѣдаѣ о неприятеле, но чаѣ яко и пре^жде без^опа^но быти. Внегда * градѣ прибли/жашеся, абие ю о^твсюдѣ венгры обско/чиша и з дѣвами всѣми смерти преда/ша. Сице блгороднаѣ дѣца со Етерие^и / женихомъ своимъ иже свѣдавъ Урсѣлю / возвращающѣся с мѣрию и сестрою Оло^рентиною, и с нѣкими еп^копы даже / до Колна в' срѣтение еа изыде и с Кириако^и / папоу, и со в^сѣми дѣцы мира сего и^збы^ть, / чистоту * свою Хр^исту и^стинно^и дѣвства женихѣ //

² См. Brückner A., Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen // Archiv für slavische Philologie 9 (1886), P. 379–381; ср. Zoltán A., Палемон и Аттила. (Из истории языковых и культурных контактов венгров с народами Великого княжества Литовского) // Studia Russica XVII (Budapest 1999), P. 147–148; А. Золтан. Венгерский вклад в книжную культуру Великого княжества Литовского эпохи Ренессанса (Athila М. Олаха в польском и старобелорусском переводе) // Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века. / Ред. коллегия: Ю.Будрайтис, С.Жукас, Д.Куолис, Ю.Лабынцев, В.Топоров, Л.Щавинская. — Вильнюс–Москва, 1999, P. 72–92.

³ См. Zoltán András, Maciej Strykowski esete a Szent Orsolya-legendával // Polono-Hungarica 8, Nyelvészet — Irodalom — Történelem — Kultúrtörténet. Az 1998. November, 9-én és 10-én tartott nemzetközi tudományos konferencia anyaga. Szerk. Bańczerowski Janusz. — Budapest, 2000. P. 169–179.

⁴ Латинский оригинал и промежуточный польский перевод Ц. Базылика, а также соответствующий отрывок из польского оригинала «Хроники...» М. Стрыйковского вместе с более подробным исследованием миграции данного текста см. А. Золтан. Легенда о святой Урсуле в старой польской и восточнославянской письменности (XVI–XVII вв.) // Studia Slavica Hung. 48 (2003). P. 323–334. Его же. Миграция одного текста: Легенда о святой Урсуле в составе русских переводов Хроники... М. Стрыйковского // Труды Отдела древнерусской литературы 57. — Санкт-Петербург, 2006. С. 197–208.

⁵ Буква з написана по какой-то другой букве, скорее всего, по м, т.е. здесь было написано первоначально в' римъ ('в Рим'), что было исправлено только частично. По смыслу должно быть в' низъ 'вниз', ср. у Стрыйковского (1582, 57): «Renem rzeke ná dol iáchálá do Kolná» в русском переводе 1688 г. (ГИМ, Ув. собр. № 4, л. 113об): «Рено^и рекою / на ни^з шествова до Околна».

(л. 77 об.:) принесе. Тѣхъ девиць телеса лежат / в Ко^нѣ. Пото^м ко^{сти} и^х в велиї погребѣ / положены суть. Сею повѣстїю того / для рѣчь пере^рвалъ, яко і в литовски^х / старыхъ⁶ лѣтописяхъ о разоренїи Атили і ѡбиенїи ·̑аї· дѣвъ і о вине / прихода⁷ Палемонава с ыталианъ в Ли/тву бутто чре³ сонъ воспоминаю^т, / сего ради в ме^ждометїи положихъ].

А^ттила^ж в Венгры возвратився, Бѣду / брата ѡби яко Сикамврию от своего име/ни нарече, однако жъ его Бу-дою / зовуть имже о венгры, тѣрокъ вла/дѣеть [...]

(ГИМ, Музейное собрание, № 1391, л. 76–77об)

2

Русский перевод 1688 г.

(л. 112:) [...] Гиѣлѣ воєво^ж // (л. 112 об.:) по^д Ко^нно посла, киї обозы / своа на д части ѡстави і тако / грады дабы дне^м і ношїю при/стѣпаа веси и волости крѣгомъ / множественно разорилъ; /

В то убо время Этерену^с сы^н коро/ля а^нглинского нача^т помышляти / в бракъ брытенского корола о еди-но/родно^м дшери, Послаше с велиею / охотою послы ко о^тцѣ еа, оног^о жъ / не вѣдаѣ како^в отвѣтъ хотѣше / со-твори^ти, Орѣла печа^нного і унылого / увещеваше, ако достави^т всяку / печа^п о^брѣчи ю за Этересѣса, повѣдаѣ / что имать сие явление о^т бѣга, яко / не во^збранаетси супрѣжества оног^о / симъ подобие^м да дадѣт е^н три лѣта / свободны, в си^х же да исправи^т пѣть / сво^ю // (л. 113 [после перечеркнутого текста]:), имѣа / с собою ·̑аї· дѣ^в и о се^м моли, дабы и о^тцѣ / и младенецъ Этереу^с о не^м промышляше кѣ^пно. / и да о^брѣщѣ^т е^н десяти дѣ^в особыа чистоты / и постоа^нства коа^ждо и³ ни^х да имать при себѣ / ·̑аї· дѣ^в то^жде и она да има^т с собою ·̑аї· токмо / дабы всякаѣ была особыа лепоты и чисто/ты, Послы в заша о^т Е^ршѣлина о^тца сицевыи / о^твѣтъ с радостию отойдо-ста; // (л. 113 об.:) И тако Етереу^с, и брытански^н коро^л о^тцѣ О^рсулинѣ / собра^в по приреченїю толико число дѣ^в дадо^та / О^рсули в дрѣгихи, онаг^о приа^в оное дрѣжество / и содѣ^в ·̑аї· карабле^н великихъ і потре^бныа / вещи в тако^в дале^н пѣть, иде море^м и³ Брыта/ниї даже до оног^о мѣста идѣже река Рень / в море впадае^т, гдѣ нїесть часть Голандїи / о^ттѣдѣ^ж паки противѣ воды рекою приплы / до Ко^нна Аграпины, и с великою радостию / гра^ж да^н, а исполна в Базилию остави^в тамо⁸ вся / мѣста в Римѣ, яко обеща^ся возвратиса / в Базилию. Папа жъ Ки-риа^к прово^ждаше ю с велики^м / почтениемъ даже до мѣ^ста;

Вседоста же у Базилиї в кара^бли Рено^м рекою / на ни³ шествова до Околна, и тамо изыде на брегъ / не опасал^с неприятеле^н ни мало, но ѡповаѣ яко всегда / в тишинѣ тако обѣде^т ако і пе^рвее, егда жъ бы / бли³ града абие ю^т всѣ^х стра^н обыдоша / ве^нгры, и со всѣми оними дѣ^ввами злѣ побиша, // (л. 114:) онаа жъ прекраснаѣ дѣ^ва съ Эте-реуше^м о^брѣченны^м / своимъ, се^н увѣда яко Е^рсула назадъ / во^звращаетса, с матерїю и сestroю Оло/ре^нтиною и с нѣкоими про^ччими епископы / аже до Колна во стрѣтение еа пришествова, / и со оны^м папою Кириако^м и со всѣми оними / дѣ^ввами отыде с сего свѣта, чистоту жъ / свою Хр^стѣ сѣщемѣ дѣ^вства во^злю^бле/нникѣ врѣчи, оны^х дѣ^в телеса погребены / в Ко^нне, по сем же кости и^х положены / сѣтъ в великиї погребѣ, Сїю историю / того ради прекратихъ, зане в лито^вски^х / лѣтопи^сцахъ і о погромлени Атила и о убиенїи / ·̑аї· девиць вину же пришествїа італиа^н / с Палемона^м в Литвѣ, акобы во снѣ несове^р/шенно воспоминае^т, и сего ради во вместите^лно^м поло-жихъ,

Возвративше же са в Ве^нгрию, замучи брата, // (114 об.:) Зане Сика^мбрию о^т себе назначи, Буда киї то^жде нїе Бѣдино^м прозываю^т, семѣ^ж [а^х венгры] // тѣрокъ нїе главою [...].

(ГИМ, Уваровское собрание. № 4. Л. 112–114 об.)

А.Золтан

XVII ғасыр орыс аударма әдебиетіндегі әулие Урсула туралы аңыз

Мақалада батысеуропалық орта ғасыр мәдениеті ескерткіші болып табылатын әулие Урсула туралы аңыздың аудармасы қарастырылды. Мақала авторы өткен ғасырлардағы тарихи дереккөздер мен қазіргі зерттеушілердің еңбектеріне сүйеніп отырып, аңыз мәтінінің поляк, литва, венгр, ежелгі белорус және ежелгі орыс мәдениетіне аударылу (көшу) жолдарын талдады.

⁶ Исправлено из *старыхъ*.

⁷ а исправлено из `.

⁸ Далее переводчиком или писцом пропущена одна строка, ср. у Стрыйковского: «Там zoltawiwfzy okrety u infze Iprzety, Iżla pieńso do Rzyma, która / potym obchodziwłzy mieyfcá wżytki w Rzymie» (Strykowski 1582, 52) или в русском переводе 1673–1679 гг.: «Тамъ оставивъ кара^бли / і ину утварь, иде пеша в³ Римъ иже о^бшеде^т места все в³ Риме» (ГИМ, Музейное собрание. № 1391. Л. 77)

A.Zoltan

Legend about sacred Ursula in the Russian translated literature of the XVII century

In article transfer of monuments of the West European medieval culture — a legend about sacred Ursula is considered. Leaning on historical sources and works of researchers of the last centuries and the present, the author of article traces ways of migration of the zhitiny text in the Polish, Lithuanian, Hungarian, Old Belarusian and Old Russian cultures.

УДК 82.0

Л.Матейко

Университет им. Я.А.Коменского (Братислава, Словакия) (E-mail: matejko@fphil.umiba.sk)

В.Ягич и начала исследования славянской гимнографии

В статье исследована ранняя история гимнографических исследований в славистике. Славянская гимнография в течение долгого периода была забыта в славянской филологии, несмотря на огромные издания русских манускриптов, опубликованных В.Ягичем уже в 1886 году. Автор статьи проанализированы мнения и заключения В.Ягича относительно ценности славянской гимнографии как литературного источника.

Ключевые слова: славянская гимнография, В.Ягич, Й.Питра, палеославистика, история славистики.

В Предметном указателе специальной Библиографии по древнерусской литературе за 1917–1957 гг. читатель не найдет ни единого указания на публикацию, которую можно было бы связать с гимнографией, не считая, правда, «Службу кабаку», пародию 17-го в.¹ Красноречивым примером того, что гимнография была в советском литературоведении практически неизвестной темой, является соответствующий том многотомной академической Истории русской литературы 1941-го г. издания, в котором отведено гимнографии из 400 страниц 6, причем собственно гимнография Древней Руси оказывается на заднем плане. В трехтомной академической Истории русской литературы 1958-го г. посвящается гимнографии Киевской Руси ровно один абзац и дана ссылка ровно на один рукописный памятник (точнее, на комплект из 3 рукописей) — Новгородские минеи, изданные Ягичем.² Не лучше обстоит дело с академической Историей русской поэзии 1968-го г., «первым опытом» системного изложения развития русской поэзии, где в главе, посвященной книжной поэзии Древней Руси, кое-что о гимнографии встречается, но, по неизвестным причинам, больше места все-таки занимает фольклорная, т.е. не книжная, поэзия.³ Целым поколениям советских историков русской литературы, видимо, приходилось обходиться без гимнографии, если судить по «Хрестоматии...» Н.К.Гудзия, которая издавалась десятилетиями в огромных тиражах и в которой нет ни одного произведения гимнографии.⁴ Естественно, похожую картину показывают учебники древнерусской литературы, исключением не является и учебник, изданный под редакцией Д.С.Лихачева в 1985-ом г.⁵

Следует отметить, что не иначе выглядела ситуация в языкознании, но в то же время надо добавить, что еще в 1981-ом г. была в «Вопросах языкознания» напечатана статья М.Ф.Мурьянова, в которой критически отмечалась несостоятельность такой ситуации с точки зрения исторической лингвистики.⁶ Этот факт показывает, что причиной неисследования гимнографии славистами и русистами не были только политико-идеологические ограничения советского времени. Свою роль здесь, видимо, сыграло просто забвение. Славистика была с самого начала своего существования

¹ Ср. Библиография, 1961.

² Ср. История, I, 1958, С. 31 и 658, прим. 8.

³ История, I, 1968, С. 26-33.

⁴ Ср., например, Гудзий, 1955.

⁵ История, 1985.

⁶ Мурьянов, 1981.